

КРИСТИАННА

БРЭНД



Кристианна Брэнд
(настоящее имя – Мэри Кристианна
Милн, 1907–1988) – известная британская
писательница, одна из знаменитых на весь
мир мастеров «золотого века» английского
детектива, таких, как А. Кристи, Дж. Хейер,
Э. Гилберт и Н. Марш.

Автор более двадцати романов
и сборников рассказов, она несколько лет
возглавляла Британскую
ассоциацию остросюжетной
литературы.



КРИСТИАННА

БРЭНД



.....

НЕ ТЕРЯЙ ГОЛОВЫ

.....



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б89

Серия «Золотой век английского детектива»

Christianna Brand
HEADS YOU LOSE

Перевод с английского *М. Лахути*

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств
AM Heath & Co Ltd. и Andrew Nurnberg.

Брэнд, Кристианна.

Б89 Не теряй головы: [роман] / Кристианна Брэнд ;
[пер. с англ. М. Лахути]. — Москва : Издательство
АСТ, 2017. — 224 с. — (Золотой век английского
детектива).

ISBN 978-5-17-086104-0

Шутливое заявление Грейс Морланд в присутствии гостей, что она лучше умрет, чем наденет модную шляпку, обернулось трагедией: на следующее утро ее нашли мертвой, причем на голове у нее была именно такая шляпка. Инспектор полиции Кокрилл, ведущий расследование, приходит к выводу: так «пошутил» кто-то из гостей, накануне убийства находившийся в доме местного землевладельца.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Christianna Brand, 1941

© Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers,
2017

ISBN 978-5-17-086104-0

*Моему таксику Дэмпти,
а также мистеру и миссис Риз
из Италиверы,
за их к нему доброту*

Действующие лица

Стивен Пенрок, сельский сквайр, и
его гости

Леди Харт

Фрэнсис Харт } ее внучки

Венис Голд }

Генри Голд, муж Венис

Бунзен, дворецкий

Грейс Морланд, глупая женщина

Пайпа Ле Мэй, ее кузина

Тротти, их служанка

Среди этих десяти самых обыкновенных
людей — две жертвы и один убийца.

Глава I

Возле дома Пенрока, на террасе, Грейс Морланд заканчивала сильно размытый акварельный набросок заснеженной колокольни. Слева железнодорожная линия эффектным зигзагом рассекала пухлые белоснежные холмы; справа фабричная труба воздевала к небесам свой закопченный перст, а над нею высился грандиозный столб черно-серого дыма. Однако Грейс Морланд предпочитала закрывать глаза на уродливые следы человеческой деятельности, а потому изобразила холмы без железной дороги и трубу также обошла вниманием, сосредоточившись на колокольне, ибо конструкция, возведенная во славу Господню, безусловно, вправе считаться живописной.

Были у колокольни и другие преимущества. Чтобы рисовать ее, требовалось обратиться к Стивену Пенроку с трепетной просьбой о позволении посидеть на террасе, ибо только оттуда колокольня видна в идеальном ракурсе.

— Я никому не помешаю, — уверяла Грейс Морланд, глядя на сквайра умоляющими блед-

но-голубыми глазами. — Буду сидеть тихо, как мышка!

Вряд ли она могла кому-нибудь помешать на занесенной снегом террасе, где гулял ледяной ветер.

— Да-да, конечно, — снисходительно и равнодушно отвечал Пенрок. — Сидите сколько хотите. Но ведь вы, кажется, уже рисовали ее раньше?

Конечно, рисовала! Акварель «Колокольня старой церкви в пору, когда цветут колокольчики» и сейчас красовалась над камином у нее дома, в Пиджинсфорд-коттедже, а «Колокольня старой церкви. Осень» томилась в чулане под лестницей у самого Пенрока — он ее вытаскивал перед приходом Грейс Морланд и вешал на стену в столовой. Весной, летом, осенью и зимой мисс Морланд робко спрашивала позволения посидеть на террасе, никому не мешая, и всякий раз засиживалась допоздна, так что хозяин дома вынужден был пригласить ее к чаю или ужину, а затем проводить до коттеджа. И все же он не предложил ей руку и сердце — ни зимой, ни весной, ни летом, ни осенью.

Пенрок в свои пятьдесят был высок, хорош собой, с пробивающейся сединой, которая его ничуть не портила, и удивительными глазами, не то голубыми, не то зелеными, как море. Если заглянуть с утеса на побережье Корнуолла в холодную прозрачную глубину, вы увидите в точ-

ности цвет глаз Пенрока. Были в этих глазах и доброта, и улыбка, и дружелюбие, но не было любви — ни намека на нежные чувства, по крайней мере для Грейс.

Она с тревогой посмотрела на часы. Половина пятого, уже сгущаются сумерки. Дольше сидеть на террасе невозможно. Не попросить ли разрешения прийти завтра? Но завтра, по всей вероятности, снег совсем растает. На холмах он еще лежит пышными шапками, а здесь, в долине, почти сошел. Уже и сейчас приходится напрягать воображение. Правда, ветер такой холодный — ночью вполне может случиться снегопад... Однако за ней вот-вот кто-нибудь явится и, должно быть, позовет к чаю. Неужто о ней забыли? У Пенрока сейчас гости: леди Харт, давний друг семьи (она навещала Пиджинсфорд еще при дедушке нынешнего владельца), и Генри Голд, муж одной из ее внучек, Венис Харт. Грейс представила себе, как они сидят и уютно попивают чай, а о ней и не вспоминают, оставили одну мерзнуть на террасе. Зайти в дом нет никакого повода — ведь если она и впрямь никому не хочет мешать, нужно всего лишь спуститься с террасы и по растаявшему снегу дойти до мостика, отделяющего сад Пенрока от ее собственного сада. Без четверти пять она уже будет пить чай у себя дома. Грейс начала нехотя убирать кисти.

И тотчас же ускорила процесс, услышав голоса за стеклянными дверями. Выскочивший на террасу черный таксик немедленно принялся разнюхивать, что здесь нового. Вслед за ним показались Венис Голд и ее сестра Фрэнсис.

Мисс Морланд, уже полчаса их дожидавшаяся, разумеется, была сама не своя от удивления.

— Ах, миссис Голд! Мисс Харт! Как вы меня напугали! Я как раз собирала вещи, хотела тихонько уйти к себе в норку, как маленькая мышка. Чтобы никому не мешать!

— А не хотите сперва выпить чаю? — вежливо спросила Венис. — Мистер Пенрок велел вас привести.

— Можно мы сначала посмотрим вашу картину? — спросила Фрэн.

Она успела подзабыть, как выглядят обычно картины мисс Морланд.

— Когда снег, все такое красивое, правда? И даже эти неряшливые холмы становятся какими-то осмысленными, и эти черные деревья, и железная дорога убегает вдаль...

Сестры остановились перед мольбертом.

«Какие они красавицы!» — печально думала Грейс. Венис, к счастью, уже вышла замуж за этого ужасного еврея, Генри Голда, зато Фрэнсис свободна — слишком даже свободна, и до того хорошенькая, что в груди щемит. Венис вполне соответствует фамилии Голд. Золотая паутина —

смотришь на нее, и кажется — вот-вот подует ветерок и унесет ее в зачарованную страну. Фрэнсис тоже высокая, стройная как тростинка, у нее такие же изящные руки и узкие ступни с высоким подъемом, но чувствуется в ней какая-то отвага, словно она готова помериться силами с целым светом и беззаботно выйти победительницей. По контрасту со светловолосой сестрой-двойняшкой Фрэнсис брюнетка: черные волосы вьются мягкими локонами, темные глаза сияют, полные губы накрашены ярко-алой помадой, и вся она — словно тропический цветок, что внезапно расцвел в этом сугубо английском саду. «Цветы! — мрачно думала Грейс Морланд. — Паутинки!» Если бы Грейс была цветком, то типично английским. Скажем, колокольчиком, который неплохо смотрится в лесу, а подойдешь поближе — блекнет и увядает. Будь она паутиной, то самой обыкновенной, пыльной серой паутиной, без всяких там золотых искр. Куда уж ей тягаться с этим буйством восхитительных красок, с молодостью и весельем сестер Харт, с торжеством жизни, которым веет от их сияющих глаз и нежных рук? В ее-то тридцать восемь какие могут быть шансы у Грейс?

Они стояли перед картиной, обняв себя за плечи на холодном ветру.

— Азиз, лапочка, только не на мольберт мисс Морланд! — выговаривали они песику, а неизменно вежливая Венис добавила:

— Как мило, мисс Морланд! Колокольня...
Очень, очень мило!

Фрэн оказалась безжалостней. Всегда предельно честная с собой, она не умела лицемерить — даже из вежливости, даже из милосердия. Она искала, что бы хорошего сказать о картине, но правда вырвалась наружу:

— А почему вы рисуете колокольню? Она же такая уродливая!

Бедняжка! Не умеет ценить прекрасное, только и всего. Если человек сам не понимает, бесполезно ему объяснять, как красива колокольня старинной церкви, проглядывающая сквозь голые ветви деревьев, когда справа от нее расположена небольшая рощица, которую так удачно уравнивает слева чудный маленький коттедж мисс Морланд. И никаких трудностей с перспективой: одни только крыши виднеются над верхушками яблонь из сада мистера Пенрока.

— Кстати, — сказала Фрэнсис, рассматривая акварель в подступающих сумерках, — это же лес, где убили судомойку?

Судомойка — не Пенрока и не Грейс Морланд, а просто чья-то судомойка — раз под вечер, прошлым летом, попрощалась со своим кавалером, а потом ее нашли в жутком виде: руки бедняжки были связаны за спиной ее же собственным поясом, а голова отделена от тела одним взмахом косы. Коса лежала тут же, ря-

дом. Тело, голова и орудие убийства были небрежно свалены под деревом, словно убийце вдруг надоело зловещее занятие и он его бросил, не стараясь даже скрыть улики. Именно благодаря такой небрежности полицейским оказалось невероятно трудно найти хоть какую-нибудь зацепку. Ни зловещего свертка с метками из прачечной, ни хирургически умело расчлененного трупа, ни веревки, завязанной характерным морским узлом. Ухажера, конечно, сразу нашли и тщательнейшим образом допросили, так же как подруг и родных, но все без толку. Несколько жалких шиллингов остались нетронутыми в сумочке покойницы. Аляповатую брошку сорвали с платья, а затем — вероятно, рассмотрев и сочтя дешевкой — швырнули на труп. Кроме этого истерзанного тела, в лесочке не осталось никаких следов ночного ужаса. Маньяк ли, вор или мститель — нападавший пошел своей дорогой. О нем так ничего и не узнали.

Фрэн первой вошла в гостиную через стеклянные двери.

— Азиз, ко мне, мой хороший! Ах, смотри, что ты наделал — все лапки грязные! — Она подхватила песика на руки и принялась вытирать ему лапы носовым платком. — Вот вам мисс Морланд! — сообщила Фрэн Пенроку, стоявшему спиной к камину, где ярко пылал

огонь. — Она рисовала жутко мрачный пейзаж с той рощицей, где нашли судомойку.

Пенрок вздрогнул. Его тогда одним из первых позвали на помощь. Кто-то из местных наткнулся на мертвую девушку в леске и совсем потерял голову со страху.

— Бедное дитя, — проговорил Пенрок. — Ужасная история. Никогда не забуду, в каком состоянии были ее родители и несчастный молодой человек... И ее... ее голова... — Побледнев, он добавил, словно стараясь отвлечься от страшного видения: — Сейчас уже, наверное, концов не найдешь. Какой-нибудь бродяга, скорее всего. Понадеялся, что у нее есть при себе деньги...

— Какой переполох был в деревне! — Фрэн бережно усадила Азиза в кресло. — Сыщики, фотографы и репортеры толпами. Наверное, никогда здесь такого оживления не случалось.

— Надеюсь, и не случится больше, — с чувством отозвался Пенрок.

— Так вы в то время здесь гостили? — спросила Грейс, предприняв неловкую попытку погладить Азиза.

Песик немедленно соскочил с кресла и уселся на полу, нервируя мисс Морланд пристальным взглядом.

— Это случилось в самом конце каникул, — объяснила Венис. — Фрэн с бабушкой, как обычно, гостили у мистера Пенрока, а мы с

Генри проводили здесь последнюю неделю медового месяца. Лето не лето, если хоть несколько дней не провести с Пенном!

Она нежно улыбнулась Пенроку.

— А как поживает дорогая леди Харт?

— О, у нее все хорошо, она сейчас спустится. Джеймс Николл тоже здесь, вы знаете?

У Джеймса Николла в местной бухте стояла парусная лодка, хотя бóльшую часть лета молодой человек проводил в деревенском пабе. Грейс он запомнился рассеянным, немного вялым и весьма неряшливым студентом. В последнее время он начал, хоть и без особого рвения, принимать участие в делах семейной фирмы и стал чуть менее неряшливым, хотя по-прежнему постоянно витал где-то в облаках. Его опекун и родной дядя, суровый старик, присматривал за племянником — надо отдать молодому человеку должное, он не давал серьезных поводов в чем-либо себя упрекнуть. При первой же угрозе войны дядя-опекун сбежал в Америку. Было бы ради чего бегать, с легким злорадством подумала Грейс — не далее как вчера она прочла в газете его некролог. Несомненно, племяннику достанется жирный куш; между прочим, говорят, мистер Николл сейчас в армии...

— Ах, какая радость! Я слышала, он нынче носит военную форму?